PG 3337
.P35R3
1854

РАЗГОВОРЪ

ВЪ КРЕМЛѢ.

СТИХОТВОРЕНІЕ К. ПАВЛОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1854.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

РАЗГОВОРЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

RAZGOVOR

РАЗГОВОРЪ

ВЪ КРЕМЛѢ.

СТИХОТВОРЕНІЕ К. ПАВЛОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.
1854.

PG 3337
.P35R3
1854

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 2 Іюля 1854 г.
Цензоръ *В. Бекетовъ*.

ПОСВЯЩЕНО

МОЕМУ СЫНУ.

РАЗГОВОРЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

—

Въ обширномъ полѣ градъ обширный
Блестѣлъ, увѣнчанный Кремлемъ,
Молящійся молитвой мирной
Передъ Успенья свѣтлымъ днемъ.
Надъ бѣлокаменнымъ просторомъ
Сверкало золото крестовъ,
И медленнымъ, созвучнымъ хоромъ
Гудѣли сорокъ сороковъ.

Входилъ, крестясь, въ Соборъ Успенскій
И знаменитыхъ предковъ сынъ,
И бѣдный плотникъ деревенскій,
И милліонщикъ–мѣщанинъ;
Шли рядомъ, съ миромъ и любовью,
Они въ домъ Божій, въ домъ родной,
Внимать святому славословью
Единовѣрною семьей.

Межъ тѣмъ, какъ гимнъ взносился кроткой
И какъ сіяли алтари,
Вблизи Дворца, передъ рѣшеткой,
Стояли человѣка три:
Лицомъ не сходны, ни душою,
И дѣти не одной земли,
Они, сошедшись, межъ собою
Бесѣду долгую вели.

Одинъ, съ надменностію явной,
Стоялъ, неловокъ и суровъ,
Заморскій гость изъ стародавной
Столицы лордовъ и купцовъ,
Наслѣдникъ той Саксонской крови,
Которой силамъ нѣтъ утратъ —
И на смѣшеніе сословій
Глядѣлъ, дивясь, аристократъ.

Второй, въ сраженьяхъ посѣдѣлый,
Былъ спутникъ тѣхъ, которыхъ велъ
Чрезъ всѣ межи и всѣ предѣлы
Наполеоновскій орелъ;
И этотъ, въ золотѣ заката
Блестящій, города объемъ,
Въ осенню ночь, предъ нимъ когда-то
Стоялъ въ сіяніи другомъ.

Невольно третій на соборы,
На кругъ чертоговъ вѣковыхъ
Бросалъ порой живые взоры,
И сказывалось рѣчью ихъ,
Что былъ не чуждъ въ Кремлѣ онъ этомъ,
Не путникъ въ этомъ онъ краю,
Что Русскій съ радостнымъ привѣтомъ
Смотрѣлъ на родину свою.

«Да,» говорилъ въ своей гордынѣ
Угрюмый Лордъ, «вашъ край великъ,
Окрѣпла ваша власть, и нынѣ
Извѣстенъ въ мірѣ Русскій штыкъ;
Да, ваша рать враговъ смирила,
И по морямъ вашъ ходитъ флотъ:
Но гдѣ опоры вашей сила,
Гдѣ вашъ незыблемый оплотъ?

«Учениками не всегда ли
Вы были Западной земли?
Вы многое у насъ узнали
И многое переняли.
Но въ продолженіе столѣтій
Въ чемъ измѣнился вашъ народъ?
Скажите, поколѣнья эти
Съумѣли ль двинуться впередъ?»

— «Такъ,» молвилъ Русскій, «обучала
Чужбина насъ; подарено
Землею вашей намъ не мало:
Но не далося намъ одно,
Одна здѣсь Запада наука
Не принялась, — нашъ край таковъ, —
Осталось свято сердцу внука,
Что было свято для отцовъ.

«Блаженства познаетъ мірскія
Не даромъ, можетъ быть, страна,
Не даромъ Римъ и Ниневія
Всѣ взяли роскоши сполна!
Свой блескъ высокою цѣною
Надменный Западъ вашъ купилъ,
И ослѣпленный суетою
Онъ ищетъ тайны нашихъ силъ....

«Вы станьте здѣсь, когда повсюду
Толпа, стекаясь безъ конца,
Какъ къ празднику, въ сплошную груду
Слилась у Краснаго крыльца,
Не измѣняясь въ родъ изъ рода,
Любя и вѣруя какъ встарь, —
И средь гремящихъ волнъ народа
Въ Кремлѣ проходитъ Русскій Царь!

«Вы станьте здѣсь, среди Россіи,
Когда въ торжественной ночи
Звучатъ священныя литіи,
Блестятъ несмѣтные лучи;
Когда, облита моремъ свѣта,
Молитвой теплою полна, —
Мгновеніемъ вся площадь эта
Въ Господній храмъ обращена;

«Когда для вѣсти благодатной
Отверзлись Царскія врата, —
И радостно вельможа знатной
Цѣлуетъ нищаго въ уста,
И снова возносясь и снова,
Вездѣ, отъ долу до небесъ,
Гремитъ одно святое слово,
Одинъ возгласъ: Христосъ воскресъ!» —

Рѣчь Русскаго нетерпѣливо
Французъ прервалъ: «Быть можетъ, да;
Но силой вашего порыва
Что свершено? Прошли года,
Года идутъ; гдѣ ваше дѣло?
Гдѣ подвигъ вашъ, когда кругомъ
Европа цѣлая кипѣла
Наукой, славой и трудомъ?

«Гдѣ вы скитались въ годы оны,
Когда страшилъ сосѣдовъ Галлъ,
И Хлодвигъ Рима легіоны
При Суассонѣ поражалъ?
Кто вѣдалъ про народъ вашъ дикій,
Какой здѣсь слѣдъ есть той поры,
Какъ цвѣлъ нашъ край, и Карлъ Великій
Гаруна принималъ дары?

«Гдѣ были вы въ дни чести бранной,
Когда стремительной молвы
Пронесся въ мірѣ гулъ нежданной
Съ конца въ конецъ? Гдѣ были вы,
Когда, поднявшись ратнымъ станомъ,
Европа ухватила Крестъ,
И прогремѣлъ надъ Мусульманомъ
Ея восторженный протестъ?

«Когда васъ видѣли? Тогда ли,
Какъ средь песковъ Сирійскихъ странъ
Свои мы ставки укрѣпляли
Костями падшихъ Христіанъ?
Тогда ль, когда рѣшали снова
Своею кровью мы вопросъ,
И стражей воинства Христова
Сталъ надъ пучиною Родосъ? [2]

«Тогда ль, когда и предъ могилой
Еще не смѣя отдохнуть,
Святой Король съ послѣдней силой
Предпринялъ смертоносный путь,
Когда въ глуши чужаго края,
Исполненъ помысломъ однимъ,
Поборникъ умеръ, восклицая:
Ерусалимъ! Ерусалимъ! [3]

«Какая здѣсь свершалась драма,
Гдѣ было ваше первенство,
Когда моря принудилъ Гама
Дорогу дать ладьѣ его?
Когда, отдвинувъ міра грани,
Свой материкъ искалъ Колумбъ,
И средь угрозъ и поруганій
Стоялъ, глаза вперивъ на румбъ?

«Когда, въ день скорбный, озарило
Лучемъ небеснымъ съ высоты
Преображенье Рафаила
Его отжившія черты? [4]
Когда вездѣ встрѣчались взгляду
Дѣла колеблющія міръ,
Когда Медина велъ армаду, [5]
И Гамлета писалъ Шекспиръ?

«Когда нашъ блескъ, дивя чужбину,
Проникъ до этого Кремля; [6]
Когда Мольеръ читалъ Расину
Свой трудъ въ чертогахъ Короля;
Когда въ величіи и славѣ
Вознесся пышный нашъ Версаль, —
Чѣмъ были вы хвалиться въ правѣ,
Что вы въ свою внесли скрижаль?»

Пришельца гордой укоризнѣ
Въ раздумьѣ Русскій отвѣчалъ:
— «Да, не данъ былъ моей отчизнѣ
Блескъ вашихъ Западныхъ началъ:
Крутой Россія шла дорогой,
Носила горестный вѣнецъ,
И семьсотъ лѣтъ съ любовью строгой
Ее воспитывалъ Творецъ!

«Пока у васъ смирялъ со славой
Пепина сынъ [7] войны разгаръ,
Нашъ край дорогой былъ кровавой
Варяговъ, Готѳовъ и Болгаръ.
Тѣснимы грабежемъ и бранью,
Тогда встрѣчали Кривичи
Вотще своей убогой данью
Хазаровъ лютые мечи.

«Былъ срокъ, когда нахлынулъ рьяно
На васъ Арабовъ грозный валъ,
И Папа дружбу Мусульмана
Подобострастно покупалъ: [8]
Отъ алтаря святой Софіи
Въ тѣ приносила времена
Молитву первую Россіи
Богоугодная Жена.

«Когда Крестоваго похода
На Западѣ раздался кликъ,
Въ предѣлахъ Русскаго народа
Былъ натискъ лютъ и гнетъ великъ:
Страну губили Печенѣги,
Свирѣпыхъ Половцевъ орды,
И Венгровъ буйные набѣги,
И смуты княжеской вражды.

«Въ тѣ дни пошелъ къ Святому Граду
Какой-то инокъ Даніилъ
За край родной зажечь лампаду
И помолиться Богу силъ; [9]
И горячо монахъ безвѣстный
Молился, знать, за Русь свою,
Зане помогъ ей Царь небесный
Въ тяжеломъ устоять бою.

«Когда дѣлили ваши рати
Труды святаго Короля,
Была возстать въ спасенье братій
Не въ силахъ Русская земля:
Тогда у насъ пылали селы
И рушилися города,
И вдоль пути, гдѣ шли Монголы,
Лежала тѣлъ людскихъ гряда.

«Съ твердыни сбиты, Кіевляне
Тогда, столпясь въ Господній храмъ,
Обрекшись гибели заранѣ,
Сраженье продолжали тамъ,
И билися во имя Бога,
И былъ лишь битвѣ ихъ конецъ,
Когда, изрубленъ, у порога,
Крестясь, послѣдній легъ боецъ.

«Но ихъ молитвъ предсмертныхъ слово
Взнеслось къ Зиждителю небесъ:
Послалъ на поле Куликово
Намъ помощь Онъ своихъ чудесъ: [10]
Враговъ несмѣтныхъ рушилъ силу,
И всемогущею рукой
Отверзшій Лазаря могилу
Разбилъ яремъ нашъ вѣковой.

«Да, васъ судьба дарила щедро!
Досель не тщетный звукъ для васъ
Баярдъ, и Сидъ, и Сааведра, [11]
И Барбаросса и Дугласъ.
Сердца народа согрѣвая,
Въ нихъ здѣсь глубоко вмѣщено
Одно лишь имя: Русь Святая!
И не забудется оно.

«Припоминая дни печали,
Татаръ и Печенѣговъ бичь,
Мы сами вѣдаемъ едва ли,
Кто былъ Евпатій и Прѣтичь. [12]
Мы говорили въ дни Батыя,
Какъ на поляхъ Бородина:
Да возвеличится Россія,
И гибнутъ наши имена!

«Да, можете сказать вы гордо,
Что спроситъ путникъ не одинъ
Дорогу къ улицѣ Стратфорда,
Гдѣ жилъ перчаточника сынъ, [13]
Что, на Ромео иль Макбета
Смотря съ толпой вельможъ своихъ,
Надменная Елисавета
Шекспира повторяла стихъ.

«Насъ волновала въ ту годину
Не прелесть вымысловъ его;
Иную зрѣли мы картину,
Иное рѣчи торжество:
Пока, блестящая багряно,
Въ пожарѣ рушилась Москва,
Смиряли Грознаго Ивана
Монаха смѣлыя слова. [14]

«Была пора, когда ждалъ снова
Бѣды и гибели народъ,
Пора Прокофья Ляпунова,
Другой двѣнадцатый нашъ годъ:
И силъ у насъ нашлося много
Порою той, былъ часъ великъ,
Когда, призвавъ на помощь Бога,
Спасалъ Россію гуртовщикъ; [15]

«Когда, распадшею громадой,
Безъ средствъ, безъ рати, безъ Царя, [16]
Страна держалася оградой
Единаго монастыря,
И съ властію тягаясь злою,
Здѣсь сокрушали края плѣнъ
Пожарскій доблестной борьбою,
Святою смертью Ермогенъ.

«И здѣсь же, овладѣвъ полсвѣтомъ,
Вашъ смѣлый временщикъ побѣдъ
Стоялъ, смутясь, на мѣстѣ этомъ,
Тому назадъ лишь двадцать лѣтъ; [17]
Здѣсь понялъ грозный воевода,
Что ни насилье, ни картечь
Не сладятъ съ жизнію народа,
Что духа не сражаетъ мечь!

«Во времена веселій шумныхъ
Версальскихъ золотыхъ палатъ
Былъ полонъ Кремль стенаньемъ чумныхъ,
Ревѣлъ въ немъ бунтъ, и билъ набатъ: [18]
Но нашу Русь не покидая,
Въ тѣ дни Всевышняго покровъ
Спасалъ дитя, для славы края,
И отъ чумы, и отъ стрѣльцовъ.

«И юный Царь дивилъ на тронѣ
Не блескомъ ваши всѣ Дворы:
Покуда въ вашемъ Вавилонѣ
Шли богомерзкіе пиры, [19]
Неутомимо и упрямо
Работалъ Онъ за свой народъ,
И въ бѣдной мастерской Сардама
Сколачивалъ свой первый ботъ.

«И въ ваши пронеслись владѣнья
Удары молотка Его,
И будутъ помнить поколѣнья
Царя-Гиганта мастерство.
Ужъ возстаютъ молвы глухія
Кичливыхъ Западныхъ державъ,
Ужъ ненавистна имъ Россія,
И близокъ, можетъ, часъ расправъ!

«Для прежнихъ подданныхъ Татарскихъ
Настанетъ день, придетъ пора,
Когда изъ устъ услышимъ Царскихъ
Мы зовъ пустынника Петра!
Подниметъ Вѣры онъ въ опору
Святою силою народъ,
И мы къ Софійскому Собору
Свершимъ крестовый свой походъ.

«Вы тоже встанете, — не съ нами:
Христовыхъ воиновъ сыны
Пойдутъ на насъ подъ бунчуками
Въ рядахъ защитниковъ Луны;
И предковъ славу и смиренье
Переживетъ потомковъ грѣхъ:
Постыдно будетъ ихъ паденье,
Постыднѣй ратный ихъ успѣхъ!

«И мы, тѣснимые жестоко
Напоромъ злымъ со всѣхъ сторонъ,
Одни безъ лжи и безъ упрека,
Среди завистливыхъ племенъ,
На Бога правды уповая,
Подъ сѣнію Его щита,
Пойдемъ на бой, какъ въ дни Мамая,
Одни съ хоругвію Креста!...»

Онъ смолкъ. Сіялъ весь градъ стоглавый
Съ Кремлемъ торжественнымъ своимъ,
Какъ озаренъ небесной славой
Въ лучахъ вечернихъ передъ нимъ.
Взглянулъ онъ вдохновеннымъ взоромъ
На прежнее *сельцо Московъ*, [20]
И залилися мѣднымъ хоромъ
Кругомъ всѣ сорокъ сороковъ.

Дерптъ.
10 Апрѣля 1854.

ПРИМѢЧАНІЯ.

—

[1] Знаменитое посольство Арабскаго Халифа Гаруна-аль-Рашида, который отправилъ къ Карлу Великому, между прочими богатыми дарами, слона и *пленисферу* или часы съ боемъ, первые въ Европѣ.

[2] Крестовые рыцари св. Іоанна Іерусалимскаго, тѣснимые въ Сиріи Мусульманами, овладѣли островомъ Родосомъ и воздвигли на немъ твердыню, которая болѣе двухъ столѣтій (1310 — 1530) отражала удары Египтянъ и Турокъ.

[3] Св. Людовикъ, Король Французскій, уже опасно больной, взялъ снова крестъ (1270) и поплылъ въ Африку сражаться противъ Мусульманъ (послѣдній крестовый походъ). Онъ умеръ подъ стѣнами Туниса. Послѣднія слова его были: Іерусалимъ! Іерусалимъ!

[4] Извѣстно, что гробъ Рафаэля выставленъ былъ въ его мастерской подъ великолѣпною, не совсѣмъ еще оконченною имъ, картиною Преображенія Господня (1538). Онъ умеръ въ Страстную Пятницу.

[5] Такъ названная «непобѣдимая армада» Короля Испанскаго, — флотъ, состоявшій изъ 150 судовъ, которыя велъ противъ Англіи Герцогъ Медина Сидонія (1588).

[6] Извѣстно покровительство, которое Царь Алексѣй Михайловичь оказывалъ иностранцамъ, и желаніе его воспользоваться плодами науки и просвѣщенія Запада.

[7] Карлъ Великій.

[8] Разорвавъ, въ концѣ IX вѣка, связь съ Восточною Церковію, Папы впали въ глубочайшее униженіе: развратъ и безсиліе Римскаго Двора въ эту пору мало чѣмъ уступали времени Борджіевъ. Престоломъ св. Петра располагали много лѣтъ двѣ безстыдныя женщины, мать и дочь, Теодора и Мароція, а въ то же время Африканскіе Арабы, утвердившись въ Сициліи, безпрестанно нападали на Италію, не разъ подходили къ самому Риму и заставляли Папъ откупаться отъ нихъ дорогою цѣною. Только вмѣшательство Нѣмецкаго Короля Оттона Великаго положило конецъ этой позорной эпохѣ (964).

[9] Во время 2-го крестоваго похода пришелъ во Св. Землю паломникъ Даніилъ и испросилъ у Іерусалимскаго Короля Балдуина позволеніе поставить на Гробѣ Господнемъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье (1115 г.) кандило *за всю землю*

Русскую (припомнимъ, что это было у насъ гибельное время княжескихъ распрь и Половецкихъ набѣговъ). О Даніилѣ см. прекрасный разсказъ г. Шевырева въ его лекціяхъ объ исторіи Русской Словесности.

[10] На Мамаевомъ побоищѣ Татаре начинали уже брать верхъ, какъ предъ войскомъ Христіанскимъ явились св. Мученики Борисъ и Глѣбъ на бѣлыхъ коняхъ, и одушевленные этимъ видѣніемъ, воины Димитрія сломили силу Татарскую.

[11] Сервантесъ.

[12] Воевода Прѣтичь и Кіевскій отрокъ, котораго имя не записано Несторомъ, спасли Кіевъ съ Ольгою и Владиміромъ-младенцемъ отъ Печенѣговъ, въ то время, какъ Святославъ воевалъ въ Болгаріи (968). Евпатій, герой Рязанскій, бросившійся одинъ на рать Батыя, воспѣтъ Языковымъ.

[13] Шекспиръ.

[14] Извѣстенъ ужасный пожаръ Москвы въ 1547 г., когда къ молодому Іоанну IV, удалившемуся на Воробьевы горы, явился Сильвестръ, и силою рѣчи своей произвелъ на сердце Царя то впечатлѣніе, которому Россія была обязана многими лѣтами благоденствія.

[15] Кузьма Мининъ Сухорукій, Нижегородскій мѣщанинъ, торговавшій рогатымъ скотомъ.

[16] Время междуцарствія.

[17] Авторъ предполагаетъ, что разговоръ происходилъ въ 1832 г.

[18] Стрѣлецкіе бунты во время дѣтства Петра Великаго, не разъ угрожавшіе ему смертію, отъ которой онъ сохраненъ былъ видимымъ заступленіемъ Промысла.

[19] Такъ называемые ужины регенства (les soupers de la Régence).

[20] Подъ этимъ именемъ является Москва въ древнѣйшемъ извѣстіи, 1147 года: «И приславъ Гюрги (Юрій Долгорукій) и рече: Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ» (Ипатіевская лѣтопись).

Продается въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ у всѣхъ книгопродавцевъ по 50 к. сер. за экземпляръ. Иногородные прилагаютъ на пересылку за 1 фунтъ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025280957